

ТРОНИНА ПЕСЧАНЫЙ РАЙ

Больше других цветов Дина любила пионы.

Они росли в ее саду в изобилии – розовые, фиолетовые, белые, сиренево-лиловые, малиновые... Всекие! Чтобы взгляд не уставал радоваться.

Вот и это утро Дина начала с поклонения своим цветам. Вышла в сад, присела на корточки перед кустами пионов – огромные соцветия клонились к земле от собственной тяжести... Женщина брала их в ладони, поднимала к лицу, вдыхала глубоко, часто – пока голова не начинала кружиться. Какой нежный, легкий и в то же время густой аромат!

Она ловила дыхание цветов, трогала прохладные шелковистые лепестки кончиками пальцев.

Иногда Дина чуть сильнее сжимала пион в ладонях, не зная, как еще выразить свое восхищение. Лепестки тех растений, которые уже начинали отцветать, при этом сыпались в траву, но ничего, ничего страшного – от этого изобилия не убудет...

За грядой пионов росли лилии. А вон синегато-фиолетовые стрелки дельфиниума задорно тянутся к небу! В саду Дины много цветов, самых разных, причудливых и простых.

А дальше, за клумбами – крошечный рукотворный пруд, по берегам густо заросший болотной травой. Вдоволь налюбовавшись пионами, Дина отправилась туда. Села на низенькую деревянную лавочку, выбеленную дождями.

Вода в прудике отражала облака, края которых набухали малиновым цветом – от поднимающегося над горизонтом солнца. Осока клонилась под легким ветром и казалась подсвеченной изнутри – такое прозрачное, зеленогато-желтое сияние исходило от нее. Над осокой носились стрекозы, временами вцепляясь тонкими лапками в ее стебли, а потом порывы ветра вновь подбрасывали насекомых вверх...

На крыльцо из дома вышла девочка лет шести – тоненькая, с растрепанными после сна темными длинными волосами, с хорошеньким круглым личиком, с ямочкой на подбородке. На девочке была ночная рубашка до пят.

– Марьяша! – позвала Дина. – Я здесь.

Девочка сбегала по ступеням, кинулась к матери.

– Ты моя хорошая... ты моя красавица... – Дина принялась обнимать, гладить девочку, прижавшуюся к ее боку, пальцами осторожно распутывала волосы малышки. Опять эта радость прикосновения – к своему самому любимому, дорогому. – Здравствуй!

С утра, после сна, Марьяна обычно была молчаливой, тихой, словно прислушивалась к грядущему дню – что тот ей обещал?..

– Осенью в школу. Ты у меня такая большая... Поедем с папой в магазин, купим Марьяночке форму, купим рюкзак, купим тетради. Все-все купим нашей девочке. Ты хочешь в школу?

Марьяна энергично закивала, продолжая прижиматься к матери.

– Умница. Считать мы умеем, буквы знаем... Самая-самая умная у нас с папой девочка!

Марьяна опять закивала. Дина сжала дочь в объятиях чуть сильнее, потянулась губами к макушке Марьяны – чтобы поцеловать. «Ты – мой самый любимый цветочек. Ты – мое сокровище...» – подумала Дина, в груди которой плавилось сердце от неистовой, неукротимой нежности. В глазах у Дины защипало. И тут девочка в ее руках неожиданно принялась таять, исчезать. И сад – с цветами, прудом и стрекозами – тоже куда-то вдруг пропал.

...Дина проснулась, задыхаясь от слез. Сердце билось, словно сумасшедшее. Сон был так реален, что действительность теперь показалась женщине сном.

Она приподнялась на локте, огляделась. Комната с белыми стенами, полутьма – на окнах тяжелые шторы. Монотонно гремят кондиционер над дверью, прогоняя сквозь себя воздух.

Нет, вот это все – и есть ее жизнь. Ее *настоящая* жизнь.

«Хорошо, что Руслана нет!» – вытирая ладонью слезы, подумала Дина. Руслан не любил, когда она плакала, он вообще физически не выносил ни женских слез, ни женских истерик, ни женских жалоб, как и большинство мужчин.

Она накинула халат, по коридору прошла к входной двери.

После полутьмы и прохлады дома Дину ослепил солнечный свет, такой резкий, что окружающий пейзаж в первые мгновения показался просто белым листом бумаги. И лишь потом вырисовался песчаный пейзаж с кустиками саксаула, блестящими на солнце камнями. Вон и птица какая-то висит над горизонтом... Коршун? Охотится на какого-нибудь суслика... Жарко сегодня будет или очень жарко? Дина подняла лицо навстречу сухому ветру и почувствовала, как отголоски ночной прохлады коснулись ее щек. Наверное, день будет вполне нормальным. То есть просто жарким.

Ветер, как всегда сильный в этих местах, окончательно развеял обрывки сна.

Тутовое дерево в углу двора, обнесенного сеткой, – чтобы чужие козы не забредали. Кустики полыни растут в тени тутовника...

Дина повертела головой. Только песок и солнце. Их дом стоял на самом краю крошечного городка, а дальше, в нескольких километрах, уже шел край Российской Федерации. Там располагалась воинская часть, в которой служил муж. И город, в котором жила Дина, кстати, так и назывался – Серхет, что в переводе значило – граница... Из города в районный центр выбраться – целая проблема. Раз в неделю ходил рейсовый автобус. Всегда давка, теснота... Часов шесть тряски по пыльной дороге, под раскаленным солнцем. Можно и на попутке выбраться. Иногда, в редких, чрезвычайных случаях – вызывали из центра вертолет. Когда серьезно заболел кто-либо, а возможности спасти человека в местной больнице – не было. (Например, требовалась совсем уж редкая операция.)

Приложив ладонь ко лбу, Дина минут десять вглядывалась в горизонт, пока не увидела приближающееся облачко пыли, за которым угадывался силуэт машины. Отлично. Он едет!

Машина майора Руслана Сергеева – внедорожник американского производства – была предметом всеобщей зависти. Муж купил ее по случаю, почти за бесценок (с одной стороны – большая удача, с другой – в приграничной зоне подобные случаи были не такой уж и редкостью). Главное – Руслан теперь никак не мог нарадоваться своему приобретению... Внедорожник – очень нужная вещь в здешних местах, где почти нет хороших дорог.

...Возвращения мужа Дина всегда ждала с нетерпением, даже если тот уезжал на дежурство ненадолго, всего лишь на ночь, вот как сейчас. Мало ли что... На границе то и дело всякие инциденты случаются!

Женщина вернулась в дом, быстро приготовила омлет на двоих и кофе – себе.

Хлопнула дверь.

– Привет! – на кухню вошел Руслан, положил фуражку на холодильник.

– Привет... Все в порядке? – Дина чмокнула его в щеку, поставила на стол тарелку.

Ответа она так и не дождалась. – Завтракай и ложись.

– Ты уходишь?

– Да.

– Блин, что за жизнь...

– Руслан, если я перестану ходить на работу, я совсем с ума сойду! – не выдержала, пожаловалась она.

– Начинается.

– Все, не буду, – она села рядом, обняла его. Руслан похлопал жену по плечу, потом аккуратно отстранил ее и взялся за вилку.

– Как спала?

– Нормально. Руслан, у вас – все в порядке? – переспросила Дина.

– Да все хорошо, чего ты переживаешь... Крестьян с той стороны гоняли – пасут где ни попадя своих овец! Датчики слежения то и дело срабатывали... Что еще? Ефрейтора одного фаланга цапнула. Вроде крепкий парень, а разнылся – помираю, говорит!

– Фаланги же не ядовитые! – удивилась Дина.

– И я о том. Просился к вам, в больницу, но я не пустил. И что? Через три часа парень сам о том укусе забыл! – Руслан в два приема доел омлет, отодвинул тарелку. – Молодые они, бестолковые, не знают, чего на самом деле бояться надо...

Дина машинально кивнула, глядя на мужа. Руслану было тридцать семь (на шесть лет старше ее), и он вдруг показался ей сейчас – нет, не старым, но уже каким-то слишком мудрым, всезнающим. Слишком опытным. Ни в чем не сомневающимся. А Дина была – как травинка на ветру, ее постоянно мотало из стороны в сторону, она всегда сомневалась во всем, часто переживала. В ней не было цельности, законченности... Нет, она не травинка даже, а – вода. Течет непонятно куда, принимая любую форму...

Волна и камень.

У Руслана был твердый, очень выразительный подбородок с ямочкой посередине. А еще – ясные светло-серые глаза, которые всегда смотрели цепко, пристально, прямо... Ни одна мелочь не ускользала от этих глаз.

Не высокий и не низкий, скорее, роста чуть выше среднего, очень развитый плечевой пояс... В общем, красавец.

– Руслан...

– Что?

– Ты меня любишь?

– Я тебя люблю, – быстро, не задумываясь, ответил муж и продолжил без всякого перехода: – Не забудь, завтра у Бати день рождения.

«Батей» за глаза называли начальника гарнизона.

– Я помню. Мне Лагутенко вчера звонил. Мы с ним сюрприз Бате решили подготовить.

– Сюрприз? Ох, не люблю я этих сюрпризов... – поморщился Руслан. – Ладно, потом разберусь с тобой. Все, пошел спать. Да! – он вдруг остановился в дверях, повернулся. – Ты вот меня теребишь постоянно – «как дела, как дела?», а сама-то – в курсе?

– О чем ты?

– Ралли через нас пройдет.

– Какое ралли?

– Ралли «Бархатный путь». Эх ты, отсталая... – засмеялся Руслан и ушел спать.

Дина вымыла посуду, потом начала собираться на работу. На душе кошки скребли. Зачем Руслан назвал ее отсталой? Нет, он не хотел ее обидеть, но... все равно неприятно. Нет, не потому, что назвал «отсталой», но это постоянное, раздраженно-снисходительное пренебрежение с его стороны, как будто она – дурочка, неразумный ребенок...

Ребенок. Ребенок? Да, ребенок. Точно. Это все из-за сегодняшнего сна. Из-за него так тяжело, так мучительно теперь. Это сон виноват, сон, а Руслан тут ни при чем!

...Дина в другой комнате, носившей гордое название – гостиная, открыла шкаф. «Забыть, надо забыть... Надо отвлечься, надо думать о чем-нибудь другом!»

Она достала новое платье – красное, с открытыми плечами, с глубоким вырезом, с широкой юбкой. Платье Дина шила у портнихи, тайком от мужа – чтобы поразить потом, при случае. И ближайший удобный случай – день рождения Бати.

Дина не выдержала, сбросила халат и одним движением натянула платье на себя, повернулась перед зеркалом. Широкая юбка плеснулась вокруг колен... Темные длинные волосы. Руки красивые, тонкие. Грудь. Талия – тонюсенькая! Ножки ничего так. И,

главное, прикрыты широкие бедра, которыми Дина была недовольна, и та часть тела, за которую ее сравнивали с Дженифер Лопес. Сколько раз слышала эти мужские сальные шуточки за своей спиной... Теперь уж никто так не скажет! Юбкой все прикрыто...

Дина несколько раз повернулась перед зеркалом, потом выхватила из футляра, лежавшего на стуле, скрипку, на струнах закрепила сурдину, заглушавшую звук (чтобы Руслана не разбудить!), взмахнула смычком... Она будет играть на скрипке, а старший лейтенант Лагутенко – петь. Это и есть сюрприз Бате.

Женщина любовалась на свое отражение в зеркале – платье, скрипка в руках... Все идеально, все сочетается.

Дина когда-то готовилась к карьере скрипачки, собиралась ехать в Москву, поступать в консерваторию, но не получилось – в восемнадцать лет вышла замуж, и Руслан увез ее в один из приграничных городков на Дальнем Востоке, где не то что консерватории – вообще ни одного высшего учебного заведения не было, лишь два училища – для мальчиков и для девочек... Одно из них, медицинское (для девочек), Дина и закончила, став профессиональной медсестрой.

Потом Руслану пришлось сменить место службы, и они оказались здесь, в Серхете, совсем уж на краю земли...

Но мечту свою Дина так и не забыла, все на что-то надеялась. Играла на скрипке в свободное время, берегла руки. Хотя на что надеяться? Тридцать один год, любительский уровень. Уже никакая консерватория не поможет.

Муж талантом жены на людях гордился, правда, дома от звуков скрипки его начинало корежить. «Словно по стеклу скребут!» – морщился он. Несколько раз Дина выступала на самодеятельных концертах в доме офицеров. Все восхищались – сослуживцы мужа, их жены, – но именно это и напрягало Руслана. Он честно заявил жене: «Знаешь, а мне ведь намекали, что я твою карьеру загубил!»

И Дина перестала выступать в доме офицеров.

Но сюрприз Бате – это другое. Она не будет исполнять никаких серьезных композиций. «Очи черные» да «Утро туманное» – цыганщина, баловство, развлечение...

Красное платье, темные волосы, звуки зажигательной музыки. Красиво, да. «Но чего-то не хватает!» Дина отыскала в шкафу шаль, набросила ее на плечи. «Нет, не идет». Затолкала шаль обратно. «Цветок в волосы? Ха, какой еще цветок... Маки уже отцвели!»

Весной, в низине, цвели маки... Но потом цветы скосили, а сейчас под жгучим солнцем – пожухла даже полынь.

«Как же я забыла!» – внезапно спохватилась Дина. И из глубин шкафа бережно достала шкатулку. В ней хранились колечки, сережки и главное сокровище – перстень с рубином. Перстень достался Дине от бабушки. Та говорила, что это настоящий индийский рубин, очень хорошего качества, очень крупный...

Перстень Дина никогда не надевала – берегла его. Да и повода не было. И потом, другой вопрос – с чем это сокровище носить?... Наряд должен быть роскошным – под этот перстень. «Но зато вот с этим красным платьем – самое оно. Когда, если не сейчас!» – подумала женщина и надела перстень на средний палец правой руки. «О, чудесно...» – глаза у Дины даже затуманились от восхищения. Несколько минут она стояла перед зеркалом, положив руку на грудь – так, чтобы было видно перстень.

Потом опомнилась – опаздывает же! Быстро сняла платье, натянула другое – простенькое, из ситца в цветочек, уже немного выцветшее.

Через пять минут Дина уже бежала по выложенной камнем неровной мостовой. Узкая улочка, с обеих сторон – глухие заборы из известняка...

– Здравствуйте. Здравствуйте! Елена, привет, как дела?... Доброе утро!

– Дина Алексеевна, здравствуйте. Динка, привет! Дина, Фидель Рауфович сегодня будет? Дина, здравствуйте!

В маленьком городке многие друг друга знали в лицо. В этот утренний час прохожих оказалось много – кто спешил на работу, кто на базар, кто еще куда. Дела делались

именно сейчас – когда солнцу было еще далеко до зенита. Потом, днем, жизнь в городе замирала часа на два, три. В обеденное время можно было обойти весь город и не встретить ни одного человека. Жара... Перед закатом опять все оживало, ну, а после на Серхет обрушивалась черная, неуютная ночь.

«Почему мне в который раз снится сад? – по дороге размышляла Дина. – Цветы эти... К чему? Господи, как тяжело. Вот бы умереть! Я так не могу больше, не могу, не могу...»

– Дина, добрый день, – встретил ее главврач, хирург – Фидель Рауфович Курбатов. – На десять минут опоздали. Нехорошо.

– Простите, Фидель Рауфович. Муж задержался, я его встречала.

Фидель поджал губы, но ничего не сказал. Только посмотрел на Дину – оценивающе, раздраженно и с тоской как будто. Потом бросил:

– Красивое кольцо...

«Какое кольцо? Ой, мамочки, забыла свой перстень снять!» – мысленно ахнула Дина.

...Хирургу было пятьдесят четыре. Высокий, плотный, с массивным одутловатым лицом, еще очень красивым – броской, восточной красотой. Крупные розовые губы, большие карие глаза... Пузцо уже, конечно. Ну и что? Он все равно пользовался бешеной популярностью у незамужних дам (а, в общем, и замужних, и несимпатичных... и даже немолодых). Ему прощались амурные похождения – за другой его талант. Жители городка уважали Фиделя Рауфовича как замечательного хирурга, спасшего не одну жизнь, и благодарили, как могли. И деньгами, и продуктами, и стройматериалами... Всем! Недаром же сказано – хорошего врача пациенты прокормят... Фидель владел роскошным домом, самым лучшим в Серхете. Сын Курбатова учился в Англии.

Но все-таки каким же бабником был хирург...

Когда Дина устраивалась работать в больницу (было это лет семь назад), к Фиделю пришел Руслан. Он только осваивался в Серхете, но уже был наслышан о подвигах главврача. Руслан, в полной боевой амуниции, при «калаше», сказал тогда только одну фразу, кивнув на дверь, ведущую в коридор (там стояла Дина):

– Тронешь – убью.

И передернул затвор на автомате.

Вероятно, на Фиделя эта сцена произвела неизгладимое впечатление – поскольку он, закоренелый бабник, за все эти годы так и не осмелился подкатить к Дине с двусмысленным предложением.

Жене Руслан тоже сделал внушение, однако напрасно – Дина была не из тех женщин, которые попадались на чары сладострастных Казанов – и Руслан это знал. Потому и позволил супруге работать в больнице, под крылом Фиделя.

Да, Дине была отвратительна эта порода мужчин, к которой принадлежал ее начальник. Она не понимала его поклонниц. Как можно хотеть Фиделя, когда тот – переспал со столькими женщинами? Фу. Это ж какой самкой надо быть, чтобы согласиться делать это где-нибудь в ординаторской, в подвале, в смотровой, еще где...

Сколько раз за годы своей работы Дина натыкалась на запертые двери – из которых потом, спустя несколько минут, оправляя одежду, выходили Фидель и какая-нибудь женщина из персонала больницы или пациентка даже... Стоило только заглянуть в воспаленные глаза главврача, чтобы сразу понять, чем они там занимались. Пару раз двери оказывались не заперты, с тех пор Дина без стука никуда не входила.

Дина бы давно сбежала от Фиделя, если бы не талант последнего... Гений же. Такие операции делает почти при полном отсутствии оборудования! Человеку можно простить многое, если он – профессионал. (Да и потом, куда сбегать, если другой работы в городе не найти...)

...Утро было вполне обычным – Дина делала уколы, брала кровь на анализы, ставила капельницы.

Перстень она так и не сняла – боялась, что потеряет. Когда мыла руки, клала его перед собой, на полочку, потом снова надевала на палец. Юной медсестре Вике, из гинекологии, зачем-то соврала, что это бижутерия. Вика поверила. Дина боялась, что кто-нибудь узнает о ценности рубина и украдет перстень. В Серхете сроду никаких серьезных краж не случалось (украсть трудно, когда все друг друга чуть не в лицо знают), но вдруг, вдруг?!. «Я же этот перстень все равно на день рождения Бати надеть собираюсь! – напоминала себе Дина. – Но там Руслан будет, с Русланом ничего не боюсь, а без него...»

– Дина, идем чай пить! – позвала Вика.

Они расположились в ординаторской, у телевизора.

– ...ралли «Бархатный путь» стартовало в Сочи и теперь проходит по южной границе России. Гонщики сейчас преодолевают сложный участок пути, проходящий по степям, но впереди еще более тяжелый маршрут – через пустыню... – забубнил телевизор.

– Что, правда, и через нас поедут? – спохватилась Дина, вспомнив утренний разговор с мужем.

– Говорят, да! – немного приглушив звук телевизора, радостно заулыбалась Вика – страшненькая, веснушчатая, сутулая, с крошечным, изогнутым запятой носом, напоминающим боксерский (детская травма). – Там и грузовики, и легковушки, и автомобили... Целый караван! Их телевидение снимает, и все такое...

– И наш город покажут? – спросила Дина, глядя в телевизор. На экране, под рев моторов, барабанил свою речь ведущий с микрофоном, а на заднем фоне механики меняли колеса у какого-то автомобиля.

– Ага! Может, и нас снимут! – ликовала Вика, потом вдруг захлебнулась на полуслове, потупила глазки, зарозовела. – Ой, здравствуйте.

Дина оглянулась и увидела в дверях Таисию Георгиевну, жену главврача. Это ее испугалась Вика. Только вот почему – испугалась?

– Здравствуй, – прошелестела Таисия Георгиевна, пристально разглядывая медсестру.

«Значит, и Вика тоже... – мгновенно догадалась Дина. – Ну, Фидель Рауфович дает! А жена его откуда знает, что у мужа новый роман?»

Но, вероятно, Таисия Георгиевна за столько лет уже научилась вычислять любовниц мужа. Сердцем их чувствовала.

– Пойду... Капельницу в третьей палате проверю! – пролепетала Вика и пулей выскочила из ординаторской.

Таисия Георгиевна повернулась к Дине и принялась сканировать ее взглядом. Жене главврача было под пятьдесят. Грузная, массивная женщина, с тяжелой походкой, тяжелым взглядом, тяжелым узлом из черных волос, лежащим сзади на шее. Всегда в черном.

Дина с честью выдержала ее взгляд, но, похоже, Таисию Георгиевну это не успокоило. Даже как будто разозлило. Она не верила, что есть женщины, способные устоять перед Фиделем Рауфовичем...

– Перстенок у вас какой чудесный, Диночка, – облизнув узкие, сливового цвета губы, произнесла Таисия Георгиевна. – Очень хороший рубин. Можно?

– Да, пожалуйста, – Дина сняла с пальца перстень и протянула жене главврача, хотя меньше всего ей хотелось отдавать свое сокровище в чужие руки. Она в сотый раз принялась клясть себя за то, что забыла снять фамильную драгоценность.

Таисия Георгиевна была известной любительницей дорогих украшений.

– Рубин. Индийский, да? И каратов в нем немало... – вертела в пальцах перстень жена главврача. – Мне даже на мизинец не налезет. У вас, Диночка, пальчики тоненькие, скрипачка же вы, я слышала...

– Так, любительница. Играю иногда.

– Ну-ну, не скромничайте... Я слышала, могли бы мир покорить при желании.

– Нет. Без консерваторского образования мне только в детском саду, на утренниках, выступать, – упрямо возразила Дина.

– Ну-ну... А вот у меня мастер есть знакомый, ювелир... – бормотала Таисия Георгиевна, продолжая вертеть перстень. – Он бы это колечко растянул... А продайте мне его, Дина.

– Нет, что вы!

– Продайте, – мягко повторила Таисия Георгиевна. – Я вам столько заплачу, сколько скажете.

– Нет.

– А вы подумайте...

В дверях вырос Фидель Рауфович:

– О чем Дина должна подумать? – быстро спросил он.

– Вот, прошу Диночку перстенок мне продать, – обернувшись, ласково улыбнулась мужу Таисия Георгиевна.

– Все тебе мало, Тася... – с неопределенным выражением произнес главврач.

– Мало. Мне все мало, да...

– Дина, продайте ей кольцо, – решительно произнес главврач, словно желая побыстрее закрыть эту тему. – Сколько запросите, столько и получите.

– Нет. Не могу, – насупилась Дина. – Это бабушкино. И вообще...

Фидель Рауфович с тоской и раздражением некоторое время смотрел на Дину.

Потом повернулся к жене:

– Тася, не отдаст она свое сокровище. А ты иди домой. Нечего тебе в больнице делать.

– Так я тебя проведать пришла... – Таисия Георгиевна сунула перстень обратно в ладонь Дины. – Я соскучилась! – с вызовом заявила женщина, глядя на мужа.

– Идем. Идем отсюда, – главврач взял за руку жену, вывел из кабинета.

Дина осталась одна. На экране телевизора уже шла мелодрама – самозабвенно целовалась влюбленная парочка. Молодые и красивые. Счастливые. Эх, как все просто в кино...

Интересно, а счастлива ли Таисия Георгиевна? Она уже много лет в браке, но, как говорят, Фидель всегда был ходяком. Что же удерживает ее возле мужа – ведь Таисия Георгиевна явно страдает, мучается... Фидель – хороший дядька, он, в общем-то, чужих судеб не ломает, к интиму никого не принуждает, но каково жить с ним женщине, которая любит его безумно? А ведь Таисия любит мужа – если до сих пор не смирилась, буравит взглядом каждую встречную-поперечную (спала или не спала та с главврачом?), без предупреждения является в больницу, по месту работы мужа, заглядывает в каждую дверь...

Эта женщина, состарившаяся и погрузневшая раньше времени, вся в черном – похожа на головешку. Таисия Георгиевна, наверное, – живьем в своем аду горит.

...Смена закончилась, Дина вышла из здания больницы. После полутьмы и душной прохлады казенного заведения город встретил молодую женщину раскаленным воздухом. Начиналось мучительное, невыносимое лето – после слишком короткой весны.

Но Дина не пошла домой, а свернула в один из проулков. Пустая узкая улочка с каменными заборами с обеих сторон, привела ее к кладбищу. В этот час никого тут не было, лишь содрогались и трепетали на ветру выцветшие бумажные цветы, украшавшие ограды у могил.

Дина прошла через все кладбище и остановилась у стены, где располагался колумбарий. Там, в одной из ячеек, лежал пепел той, которую Дина любила больше своей жизни.

Марьяна Сергеева, год рождения и год смерти – один и тот же. Только разница между первой датой и второй – полгода. Марьяне было полгода, когда холера забрала девочку. Вернее, Дина сама пустила в свой дом эту страшную болезнь...

Рядом со стеной колумбария рос карагач – ветвистый, корявый. Дина села в его тени, захватила в ладонь горсть песка. Сжала что было сил.

Песок сыпался сквозь пальцы, его уносил ветер. Дина разжала ладонь – лишь несколько песчинок осталось, да и то ненадолго. Вот так всегда. Сколько ни пытайся удержать – все равно не удержишь.

Марьяша этой осенью пошла бы в школу.

Это Дина, Дина виновата в ее смерти!

* * *

День рождения Бати отмечали в доме офицеров. Повар с помощниками приготовили праздничный ужин, жены офицеров сервировали столы.

Дина пришла позже, поскольку у нее был свой, особый вклад в торжество.

Когда она появилась – в ярко-красном платье, с завитыми локонами, с алой помадой на губах, с кольцом на пальце (рубин – как кровь! – он особенно ярко мерцал в электрическом свете), все ахнули.

– Ну, Руслан, береги жену – ее сегодня точно кто-нибудь захочет украсть! – восхищенно произнес виновник торжества, Петр Трофимович Яремин, в просторечии – Батя, полковник, начальник пограничного гарнизона.

– Да, вот уж, не ожидал, прибыла моя лягушонка в коробчонке... – пробормотал Руслан, отводя Дину в сторону. – Слушай, ты с ума сошла?

– А что? – испугалась Дина. – Мне не идет?

– Идет, идет... Только этот цвет. Ты ж как пожарная машина! – усмехнулся Руслан. – А это что?

– Перстень свой надела. Мне кажется, он очень подходит к этому платью... – смущенно пробормотала Дина. – Но ты не думай, все не просто так! Мы с Лагутенко будем исполнять цыганские песни, так что красный цвет не зря... он вполне в тему!

– Ага. В тему. Ну ладно, ладно, не куксись, тебе хорошо! Секси-герл!

– Какая я тебе секси-герл?! – расстроено прошипела Дина. – Придумаешь тоже...

Честно говоря, она сама не ожидала, что ее платье произведет такой эффект. «И правда, слишком ярко...» Дина не любила находиться в центре внимания, особенно мужского, она смущалась, и чувствовала себя не в своей тарелке.

Но потом сели за стол, выпили за здоровье Бати, разговорились... Дина успокоилась. Она знала этих людей много лет – точно так же, как они знали ее. Замечательные офицеры, их жены – настоящие, преданные подруги пограничников... Чужих здесь не было; чужих, случайных людей – вымело отсюда суховеями, выжгло белым солнцем...

А ведь правда, солнце в пустыне – белое!

Когда Дина в далеком детстве смотрела этот, всем известный фильм, она даже не подозревала, что ей когда-нибудь придется жить под тем самым белым солнцем.

После торжественной части Дина с Лагутенко вышли на небольшую эстраду. Дина играла на скрипке, Лагутенко – пел. У старшего лейтенанта, еще молодого человека, был глуховатый баритон – приятный, но какой-то «возрастной», даже старческий. Лагутенко пел, то и дело поглядывая в сторону Лили. Лили двадцати семи лет – учительница младших классов, в ее класс ходили все офицерские дети.

– Очи черные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные... Как люблю я вас, как боюсь я вас, знать, увидел вас я в недобрый час! – старательно выводил Лагутенко.

Кстати, у Лили – вовсе не черные, а зеленые очи.

Лили была незамужней, но – с ребенком. Она одна растила дочь трех лет, Аришку (полное имя – Ариадна), и, ходили слухи, что, возможно, родила учительница от Лагутенко. Тогда почему старший лейтенант не женился на Лиле? Безобразие. Тем более что так и пожирает ее глазами...

Скорее всего, дело в Лиле.

Девушка была слишком независима, слишком свободна. Ничего не боялась и никого. И никто Лиле не нужен... Даже подруг у нее не было! Гордая.

Это ей, Лиле (а вовсе не Дине), впору нарядиться темпераментной цыганкой и плясать сейчас на эстраде.

После импровизированного концерта был небольшой перерыв. Дина ушла к буфетной стойке – там стояла шеренга стаканов с компотов из сухофруктов. Очень хотелось пить...

– Динка, ты сегодня звезда, – неожиданно появилась рядом Лиля. Чокнулась с Диной стаканами. – А это у тебя что? Я весь вечер смотрю, смотрю... Ты смычком водишь, а оно так и блестит! Настоящий камень?

«Эх, теперь все знают... Теперь не имеет смысла прятать!» – подумала Дина и радостно кивнула:

– Настоящий! Рубин. Таисия умоляла продать, но я не согласилась. Фамильная драгоценность!

– Да? Ты смотри... Что у тебя еще там в закромах?

– Да ничего... Оно единственное, это колечко, единственно ценное.

– Таисия сумасшедшая... – смешно наморщила носик Лиля. – Противная баба. Следит за всеми. Как это... у нее паранойя, вот!

– А мне ее жалко, – призналась Дина.

– Ой, перестань! Она же сама свою судьбу выбрала! – с презрением произнесла Лиля. – Ее муж трахает все, что шевелится, а она терпит... Слушай, Фидель к тебе не приставал?

– Лиля! – вспыхнула от гнева и смущения Дина.

Лиля захохотала, откинув назад голову.

Сегодня эта женщина напоминала лисичку – рыжие волосы убраны в хвост, остренький носик, терракотового оттенка сарафан... Темно-зеленые Лилины глаза смотрели на мир бесстрашно и дерзко. Отчаянно. Наверное, Лиля никогда и ни из-за чего не переживала. И эта ее внутренняя свобода не могла не восхищать Дину, которая переживала по любому поводу.

К Дине подошел Батя, пригласил танцевать.

– Ты сегодня звезда, Дина, – торжественно прошептал он ей на ухо, приятно дыша свежавыпитым коньком.

– Спасибо, Петр Трофимович...

– Тьфу-тьфу-тьфу. Чтоб не сглазить. Ожила, наконец. Ведь столько лет глаз не поднимала, не улыбалась...

– Я улыбалась! – возразила Дина. «Знал бы он, что ничего не прошло, ничего!»

– Ох, девочка, все у тебя будет хорошо. Я старый солдат, ученный жизнью. У тебя все будет хорошо, слышишь?!

– Да. Да...

Батя был немного пьян и сентиментален. Дина обожала его, но все равно зачем он говорит об этом?..

– Ой, пойду, свою Наталью приглашу, а то она меня заревнует... – Батя галантно подвел Дину к мужу.

Затем с Диной вальсировал Руслан, потом Дину и Лагутенко просили еще выступить... Хлопали, восхищались, смотрели только на скрипачку. Дина после того «догналась» шампанским, и ей стало совсем уж хорошо.словно и вправду отпустило – именно сегодня, спустя столько лет...

Руслан с другими офицерами курил на веранде, а Дина отчаянно отплясывала с младшим лейтенантом (имя его она не помнила), неженатым еще, таким смешным и неуклюжим, словно щенок...

Как расходились, Дина не помнила.

Смутно ощущала, что Руслан ведет ее под руку к дому.

– Дина Алексеевна, я тебя не узнаю... – мрачно произнес Руслан, когда они, наконец, вошли в дом.

– А что такого... – начала женщина и осеклась на полуслове – на полу, свернувшись в клубок, лежала змея. Когда включили свет, затоптались на полу – змея дернулась, подняла высоко голову и, раздув капюшон, зашипела.

«Кобра...» – екнуло у Дины сердце, и она моментально протрезвела.

Руслан схватил первое, что попало под руку – полотенце, висевшее на спинке стула, намотал его на кулак и сунул под нос змее. Та вцепилась в полотенце, Руслан молниеносно перехватил кобру за шею и выскочил из дома.

Вернулся через минуту, бросил полотенце на пол.

– Ты ее убил? – упавшим голосом спросила Дина.

– Дина. Дина, да хрен с ней... Послушай. Ты зачем себя так сегодня вела? Ты зачем Левандовскому глазки строила? Я же видел, как он тебя шупал во время танца...

– Какому Левандовскому я глазки строила?

– Да лейтенантику этому, молокососу!

– А... – пробормотала Дина. «Значит, вот как того юношу зовут! Не могла вспомнить фамилию...»

– Вот тебе и «а»! – со злостью сказал муж и оттолкнул Дину, стоявшую на его пути, с такой силой, что она полетела назад, упала на бок и стукнулась затылком о шкаф.

Хлопнув дверью, Руслан скрылся в спальне.

Дина приподнялась на локте, села. Потерла затылок. Кажется, будет шишка.

«Откуда змея? Пробралась, нашла где-то щель... Надо двери лучше закрывать...»

Змеи в этой местности были не редкостью, у всех жителей хранились в доме антидоты – чтобы в случае укуса сделать укол. С теми же проблемами обращались в больницу, в которой работала Дина, она сама не раз вводила людям противоядие. Впрочем, и вправду, хрен с ней, с этой змеей...

«Это я виновата. Я отвратительная... Это мой недосмотр! – Дина вдруг съежилась, сжалась, обхватив колени. – Я дура!»

Шесть лет назад она, молоденькая, еще глупая, не знающая особенностей местной жизни, впустила в дом женщину, беженку с ребенком. Непокойные тогда были времена, в соседней стране, за пограничной линией, которая располагалась так близко, – волнения... Ну как не впустить женщину с ребенком, жалко же... Дина напоила ее, накормила, дала деньги. Не в первый раз помогала.

А через сутки – заболела Марьяша. Это была холера. Дина еще не сразу пошла в больницу, думала, у дочки зубки режутся – вот потому и рвет девочку, и со стулом не в порядке...

Как медик Дина в теории знала обо всех опасностях жизни в южных, жарких краях, соблюдала все меры безопасности, но просто – это был первый случай, когда она лично, лоб в лоб, столкнулась с проблемой, когда она от теории была вынуждена перейти к практике. И как, как можно было не протянуть руку помощи женщине, которая несла, прижимая к груди, дитя того же возраста, что была и Марьяша?! И, в общем, посуду после той женщины Дина мыла тщательно, убрала везде, хлоркой в туалете посыпала... Но, видно, холера – такая зараза, что способна и через малейшую щелочку прорваться! Через сутки стало известно, что по району гуляет холера, косит людей – правда, смертельных случаев было мало – Марьяша погибла, и еще старик один. Болезнь – она же опасней для малых и старых, именно их забирает в первую очередь. Других заразившихся успешно вылечили. В районе ввели карантин, пресекли холеру на самом корню.

...Дина легла спать на кухне, на маленьком диванчике.

Долго не могла уснуть. Руслан никогда ее не бил. Нет, было. Один раз, в самом начале их семейной жизни, когда они еще не могли приладиться друг другу, не знали, как себя вести. Поссорились, и Руслан дал ее пощечину. Потом... Потом еще распускал руки – ударил несколько раз, когда сказали, что у Марьяши холера, и Руслан догадался, как

именно произошло заражение... «Зачем в дом чужих пустила, дрянь!» Но кто ж его осудит за тот раз?.. Никто.

Но вот сейчас... За что?

Разве она вела себя на вечере как-то распутно? Платье это красного цвета – подействовало на него, словно на быка? Нет, дело в другом. Ему тоже до сих пор больно. Ему не менее больно, чем Дине... И он страдает из-за Марьяши, не может смириться с ее смертью. Нервничает, срывается по пустякам. Они с Русланом – скованные одной цепью, одним общим горем. И Дина заплакала – от жалости к Руслану.

Его можно понять. Он ей сказал года четыре назад: «Я не хочу детей. У нас не будет детей. Не хочу больше».

А он – всегда держал слово... И с тех пор, даже в самые горячие минуты, которые были между супругами, – помнил об этом своем обещании.

Но Дина так и не уснула – в дверь постучали. «На заставе что случилось? Хотя вряд ли, Руслану бы позвонили!» Да и стучали уж слишком тихо, даже робко, неуверенно. Свои – так не скребутся.

– Кто там? – тревожно спросила Дина, выйдя в прихожую.

– Хозяйка... Хозяин зови! Говорить надо... Дело есть, – раздалось с той стороны с сильным акцентом.

Дина – несчастная, сонная, испуганная – зашлепала в спальню.

– Руслан... Руслан, проснись. Там эти... Не здешние, что ли. Говорят, дело к тебе. Только оружие захвати.

– Какое оружие? – разозлился муж, вскакивая с постели. – Ко мне должны были прийти. Где ключи от сарая? Ничего в этом доме не найдешь... Вот они. А ты ложись, чтобы я тебя не видел и не слышал! И без вопросов чтобы! Куда пошла?.. Здесь ложись, где нормальные люди спать должны... Ох, горе ты мое... – звенящим от досады голосом воскликнул он, влез в штаны и выскочил из спальни.

Дина упала на кровать, закрыла глаза. Хотелось пить, язык пересох, но она не посмела нарушать приказ мужа. Не стала выходить из спальни, хотя, помимо жажды, ее еще мучило беспокойство за Руслана.

...Сколько прошло времени, Дина не знала. Она все-таки заснула.

И вдруг почувствовала, как Руслан обхватил ее, притянул к себе.

– Динка, Динка... Динка-льдинка! – он обнял ее, потом поцеловал твердыми сухими губами в шею.

– Больно, – пожаловалась она, приложив его ладонь к своей макушке.

– Ух ты... Шишка! Ничего, заживет, – он перевернул ее, поцеловал в макушку. – А ты сама виновата! Хулиганка. Развратница. Еще неизвестно, чем вы там с Фиделем занимаетесь...

– Как ты можешь так говорить...

– Молчи. Сама молчи, – он раскинул ее руки, колючей щекой провел по груди.

Над дверью монотонно погромыхивал кондиционер, холодный воздух в комнате мешался с горячим – сплетаясь, пылали два обнаженных тела...

Руслан дышал громко, со свистом, через нос.

«Он меня любит. Он все равно меня любит, несмотря ни на что!» – с отчаянием и нежностью подумала Дина, судорожно, торопливо обнимая мужа.

Если в ней и была еще какая-то обида, то она растаяла, исчезла, испарилась – словно вода, пролившаяся в полдень на раскаленные камни. Через несколько минут от нее и следа уже не осталось.

* * *

Утром Руслан уехал на заставу, а Дина, как всегда, отправилась на работу.

Вышла из дома и остановилась в изумлении – по щебенке, поднимая пыль, ехали какие-то трейлеры, автомобили.

«Ах, да, ралли!» – вспомнила она. Но это ехали не участники гонок – Дина разглядела на боках машин телеэмблемы – что наших, что зарубежных каналов.

Первым в город прибыло телевидение.

...Работать в этот день никто не мог. Бегали на улицу, смотрели на телевизионщиков – как те паркуют свои трейлеры, расставляют аппаратуру.

Единственный ресторан в городе был полностью оккупирован голодными приезжими. Хасан, владелец ресторана, за короткое время организовал еще дополнительную веранду. Натянул тенты, расставил столы и стулья. Аромат кофе мешался с запахом шашлыков...

Это был какой-то праздник, чудо. Никогда еще маленький Серхет не испытывал подобного наплыва гостей, и даже полуденный зной не казался таким уж изнурительным.

– У меня взяли интервью! – по коридорам с визгом бегала Вика. – Меня снимали на камеру!

...Фидель Рауфович в белоснежном халате стоял на крыльце, сложив руки на груди, и наблюдал за суетой, которая царила на площади перед зданием больницы.

– Врачи есть? – к крыльцу пошла женщина неопределенного возраста, в шортах, худая, загорелая. В черных очках, в кепке, с серебристо-белыми волосами, выбивающимися из-под нее. Приезжей могло быть как тридцать, так и пятьдесят лет. – Я хочу у специалиста проконсультироваться. Кажется, запястье вывихнуло... Я заплачу! Можно?

– Можно, можно, – расцепил руки на груди главврач. – Идемте со мной, я посмотрю. И при чем тут деньги?.. У нас скорая помощь – бесплатно.

Загорелая блондинка на секунду замерла, потом ослепительно улыбнулась, глядя на Фиделя снизу вверх. У того в лице ничего не дрогнуло, только глаза смотрели неподвижно, мрачно, горячо...

«В принципе, они поняли друг друга и без слов, – подумала Дина, наблюдавшая эту сцену со стороны. – Неужели такое возможно – посмотрели друг на друга, поняли все, ушли вдвоем, и тут же все и случилось... Что за горячка на людей нападает? Или дело в Фиделе? Он и правда такой Казанова, что женщины сами на него вешаются? Тогда это какая-то собачья свадьба получается! Люди – те же животные. И зачем только любовь придумали, когда на деле – одна случайка!»

Себя Дина не без гордости к таким несдержанным людям не причисляла.

– Фидель Рауфович! – крикнула она на всякий случай в полутемный коридор, в котором скрылись главврач и блондинка. – Я вам не понадобится?

Ответа не было.

«Ну и ладно...» Дина села на крыльце, расправила на коленях складки халата. Телевизионщики на другом конце площади расставляли какую-то аппаратуру, тянули провода.

На крыльцо выскочила Вика, плюхнулась рядом с Диной на ступеньку.

– Зачем им еще софиты? – пробормотала Дина. – Тут же столько солнца...

Вика всхлипнула.

– Ты чего? – встрепелась Дина, повернулась к девушке. – Вика?..

– Он гад. И она гадина. Ты смотри – сколько вокруг парней, молодых и красивых... Своих ей было мало? Нет, она к Фиделю поперлась! – раздраженно, со слезами в голосе, пожаловалась медсестра.

– А... Ты об этой блондинке. Может, у нее действительно вывих.

– Как же! Жди! – топнула Вика ногой.

– Ты сама чужое взяла, – пожала плечами Дина. – Никого не хочу осуждать, но...

– Чего это я чужое взяла? – возмутилась молоденькая медсестра. – У кого?

– А вон у той женщины взяла, – Дина указала подбородком на Таисию Георгиевну, всю в черном, грузно шагавшую по площади. Таисия прикрывалась от солнца черным же зонтиком...

– Ой, ну ты сказала... Фидель ее не любит!

– А тебя он – любит? Ты тут первый год работаешь, а я знаю – таких, как ты, он уже сотню разменял.

– Я поняла! Ты его сама ревнуешь! – нервно засмеялась Вика.

– Вот еще. Руслан его убьет, если он ко мне хоть пальцем прикоснется, – надменно произнесла Дина. – И не говори про любовь, то, что между тобой и Фиделем, и прочими – это не любовь.

– А зато у тебя и Русланчика твоего – любовь!

– Да. Именно так, – усмехнулась Дина.

– Ой, какая же ты вредина, Динка... – сжав кулачки, пробормотала Вика. – Ладно, я побежала, не хочу с Таисией встречаться...

Вика вскочила и, сутулясь и щелкая пластиковыми шлепанцами о пятки, суетливо заскакала в сторону.

К крыльцу подошла Таисия Георгиевна, сложила зонтик.

– Добрый день, Дина. Фидель Рауфович у себя?

– Добрый день. Поискать его?

– Нет-нет, я сама, – переваливаясь с боку на бок, жена главврача принялась карабкаться вверх по ступеням.

Дину никто не звал, да и сами больные (в основном старики да хроники – ничего серьезного и требующего экстренных мер) то и дело выходили на крыльцо, обсуждали происходящее, гадали, скоро ли поедут сами гончики и можно ли будет живьем наблюдать за ралли...

– Так, это что? Фарида Алимовна, вы куда прямо с капельницей? Ну-ка в палату! Гоша, и ты иди! Тебе вообще нельзя ходить... – наконец, встрепенулась Дина, когда на крыльцо высыпали чуть не лежачие.

Дина только разогнала всех, но тут из глубин больницы опять появилась Таисия Григорьевна.

– Фидель Рауфович меня не искал? – на всякий случай спросила Дина.

– Нет, у него там пациентка... – сдержанно произнесла женщина. Открыла над головой зонтик. – Диночка, а вы не передумали?

– Вы о кольце? Нет, я не продам.

– Жалко... Я бы вам хорошие деньги дала. Деньги, они, знаете, никогда не помешают. Мало ли что. Вдруг вы решите уехать отсюда, а переезд средств требует.

– Мы отсюда не уедем, – возразила Дина, вспомнив ячейку в стене колумбария, старый карагач рядом, трепещущие на железных оградах бумажные цветы...

– Нет, я не о том... Вдруг вам, именно вам, Дина, захочется уехать из Серхета. С мужем решитесь развестись, и вообще... – Таисия Георгиевна неопределенно взмахнула свободной рукой.

«Сумасшедшая... Злитесь на весь мир – из-за Фиделя!» – догадалась Дина.

– Я никогда не разведусь с Русланом, – спокойно произнесла Дина. – У меня даже повода нет – с ним разводиться.

– Н-да?... Нет повода, значит... – печально вздохнула Таисия. – И правду говорят – что жены или мужья узнают все последними.

– Вы о чем?

– Да так... Мужчины не могут не изменять. Это в их природе, – опять неопределенный взмах рукой. «По своему Фиделю, верно, судит!» – с неприязнью подумала Дина, даже ни на секунду не поверив Таисии Георгиевне.

– Не у всех.

– У всех, у всех... Я, Диночка, очень наблюдательна. Все-все вижу, все-все знаю, что в городе творится, кто куда ходит и к кому.

Дина пожала плечами.

– Вы думаете, я от злости это вам говорю? Нет, – неспешно продолжила Таисия. – Я добрая, я всем прощаю, всех люблю. Но, Дина, представьте, как вам будет больно, когда вы узнаете... Лучше потихоньку вас подготовить, помаленьку, постепенно.

– А зачем меня подготавливать? – с иронией спросила Дина. – Может, я желаю жить в неведении!

– Рано или поздно все откроется.

– Не откроется, – едва сдерживая улыбку, бросила Дина. «И чего она ко мне привязалась! Надо было сбежать сейчас, как Вика...»

– Откроется, – мягко, но непреклонно повторила Таисия Георгиевна и положила зонтик на плечо. – Есть особые обстоятельства. И настанет день, когда вы будете ранены – в самое сердце. В самое-самое сердце!

– Зачем вы мне это говорите? – начиная раздражаться, спросила Дина. – Вот зачем? Вам плохо, так вы хотите, чтобы и другие страдали?

– А кто сказал, что мне плохо? – зонтик за плечом Таисии завертелся стремительно по кругу.

– А вам хорошо?

– Мне? Мне очень хорошо. Я счастлива. Если бы вы знали, Диночка, как я счастлива!

– И всем довольны? И ничего не хотите изменить? – с насмешкой спросила Дина.

– Ничего. Ничего. Ничего! – Таисия Георгиевна принялась неуклюже, по-старушечьи, боком, спускаться по ступеням.

– Куда же вы? Таисия Георгиевна, вы так и не сказали, с кем изменяет мне мой благоверный!